

ГРИГОРИЙ ПЕРЕПЕЛИЦА
Институт для внешней политики
Дипломатическая академия МИД Украины

УКРАИНА И ПОЛЬША В АРХИТЕКТУРЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Украина и Польша занимают весомое геополитическое место в архитектуре европейской безопасности. Более того, их совместные усилия способны оказывать значительное влияние на развитие этой архитектоники. Однако, чтобы выяснить это влияние необходимо сначала идентифицировать сущность самой европейской безопасности, на какой базисной основе она формировалась, что эта архитектура представляет собой, и какова ее конфигурация возможна в будущем.

Истоки архитектуры европейской безопасности и ее современное толкование

Основы европейской безопасности как определенной системы были заложены Вестфальского мирным договором 1648 года и становлением, так называемой Вестфальской системы международных отношений. Впервые в этой системе были введены международно-правовые нормы регулирования отношений между государствами. Она заложила и основные принципы европейской безопасности, главными элементами и субъектами которой стали национальные государства. Таким образом, в основу архитектуры европейской безопасности был положен ключевой принцип национального суверенитета государства. Преимущество этой первой системы европейской безопасности заключалась в том, что она устраняла идеологическое влияние папства и империй на внешнюю и внутреннюю политику. Вместо них утверждала полноту власти национального государства на его территории. Вестфальская система была призвана защищать безопасность национальных государств. Поэтому она была построена на таких принципах как: приоритет государств-наций и национального интереса,

невмешательство во внутренние дела, равенство прав государств, нерушимость государственного суверенитета, обязательства выполнять подписанные международные договоры и соглашения. На эти ключевые принципы и нормы международных отношений европейская безопасность опирается до сих пор.

Особенность Вестфальской системы заключалась в том, что главным механизмом обеспечения безопасности в Европе было поддержание баланса силы. Смысл его сводился к достижению и сохранению определенного паритета между ключевыми европейскими игроками, чтобы не допустить преимущества в силе друг над другом. Однако, эта система, утверждая принцип невмешательства во внутренние дела государств, игнорировала права человека и гражданские права, в отличие от современных принципов европейской безопасности.

Вторым этапом становления архитектуры европейской безопасности можно считать систему „европейского концерта”, основанную Венским конгрессом 1815 года. Ответственность за европейскую безопасность в этой системе возлагалась на пять ведущих стран Европы. Механизм обеспечения безопасности сводился теперь к поддержанию баланса силы внутри этого „Священного Союза”. От „европейского концерта” современная европейская безопасность унаследовала такие важные международные нормы как мирное разрешение международных споров, соблюдения законов войны, практика договоров об ограничении и сокращении вооружений. Однако несовершенство „европейского концерта” с точки зрения безопасности заключалась в утверждении гегемонии великих держав и коалиций, и предоставлении им права определять судьбу малых и средних европейских государств. Последние же в такой системе превращались из субъектов в объекты международных отношений. И как известно такая система не уберегла Европу от Первой мировой войны.

Попытками выстроить европейскую безопасность в начале XX века можно считать создание международного механизма поддержания мира, укрепленного комплексом Версальско-Вашингтонских договоров. Институциональным измерением этой общей европейской безопасности стало создание Лиги Наций в 1920 году, которая была призвана обеспечить мир в Европе. Однако и эта система не уберегла Европу от Второй мировой войны.

Стремление европейских стран создать собственную систему европейской безопасности путем подписания Дюнкеркского пакта 1947 г. и Брюссельского договора 1948 г. после завершения Второй мировой войны также и не имело успеха. Зато в результате подписания Ялтинского

и Постдамского договоров утвердилась биполярная система безопасности, стабильность в которой поддерживалась определенным балансом силы между двумя военными блоками: НАТО и Организацией Варшавского Договора. Европа, как и европейская безопасность, была разделена на две сферы влияния между США и СССР по идеологическому принципу. Сама европейская безопасность стала зависимой исключительно от отношений между двумя сверхдержавами, с одной стороны, а с другой, она потеряла свое самостоятельное значение и стала рассматриваться как составная часть евроатлантической безопасности, подкрепленной образованием в конце „холодной войны” такой структурой как СБСЕ.

Если мы посмотрим на ту роль, которую играли Польша и Украина в архитектуре европейской безопасности прошлом, начиная с Вестфальской и заканчивая Ялтинско-Постдамскою системой, то этой роли почти не заметим. Влияние этих систем на судьбу Украины и Польши было весьма противоречивым. Эти системы не обеспечивали безопасность Польши и Украины как государств. Украины эти системы не касались вообще, поскольку она не имела своей государственности, находясь в составе Российской империи, а затем СССР. Польша в этих системах или теряла свой государственный суверенитет, или он ограничивался старшими суверенами, под влияние которых она неоднократно попадала. Территория Польши, как и Украины, была объектом аннексии и передела, или наоборот, они получали возможность их расширения в результате заключения союзов с более мощными коалициями или государствами. Во всяком случае, ни Польша, ни тем более Украина, не были в те времена субъектами европейской безопасности.

С окончанием холодной войны и распадом биполярной системы ситуация в Европе коренным образом изменилась. Определяющее влияние на эту ситуацию имели три фактора: объединение Германии, распад Организации Варшавского Договора, распад СССР.

Эти факторы в корне изменили баланс силы как внутри НАТО, так и в Европе в целом. С исчезновением Варшавского Договора и СССР исчезла угроза интересам Запада со стороны коммунистической системы, а следовательно, значительно уменьшилась потребность европейских стран в выполнении НАТО функции коллективной обороны. Дисбаланс в силе между НАТО и Россией как правопреемницей СССР стал равен 4:1. Такое соотношение объективно уменьшило роль силовой компоненты НАТО в обеспечении безопасности европейских стран. Этот дисбаланс изменил контекст западноевропейской интеграции, которая в биполярной системе рассматривалась преимущественно как компонент биполярного

стратегического противостояния. Исчезновение традиционной военной угрозы с Востока поставило перед западноевропейскими странами вопрос о создании сугубо европейской составляющей безопасности.

Вторым фактором, который значительно усилил европейскую составляющую безопасности в Североатлантическом альянсе, было объединение Германии. До этого объединения НАТО было призвано поддерживать политическую стабильность в отношениях западноевропейских стран путем сохранения определенного баланса интересов между Германией, Францией и Великобританией. Разделенность Германии способствовала сдерживанию ее амбиций Альянсом. С объединением Германии, этот баланс в Альянсе изменился в ее пользу, усилилась также и европейская составляющая безопасности. Так возникли разногласия в евроатлантическом сообществе между ее атлантической и европейской составляющими, которые в будущем могут представлять довольно сложную проблему для безопасности Европы.

Важным фактором, который имел существенное влияние на состояние общеевропейской безопасности, стал вакуум безопасности в Центральной и Восточной Европе, образовавшийся после распада Варшавского Договора и СССР. Пребывание в коммунистическом блоке значительно ослабило институциональные возможности государств Центральной Европы в области безопасности и обороны. Падение коммунистических режимов в этих странах привело к внутренней политической нестабильности. Молодые демократии, устранившие коммунистическую власть в этих странах, были слабыми и не могли опираться на широкую поддержку гражданского общества. Еще более слабыми и нестабильными представлялись государства Восточной Европы, которые образовались после распада Советского Союза и Социалистической Федеративной Республики Югославии.

Таким образом, архитектура европейской безопасности после окончания холодной войны и началом, так называемого пост-биполярного периода подверглась коренной трансформации.

Тренды архитектуры европейской безопасности в постбиполярный период и место в них Польши и Украины

В эволюции архитектуры европейской безопасности в постбиполярный период целесообразно выделить несколько этапов, в течение которых происходила качественная трансформация среды безопасности в Европе.

1-й этап приходится на первую половину 90-х годов. Его можно назвать этапом *неопределенности архитектуры европейской безопасности*. С одной стороны, условия безопасности в этот период определялись положительной

динамикой, связанной с исчезновением традиционной военной угрозы и утверждению принципов ОБСЕ о неделимости безопасности в Европе. С другой – углублением вакуума безопасности и нестабильности на территории бывшего СССР и на Балканах. Эти регионы Европы взорвались рядом локальных и региональных конфликтов, появились нетрадиционные невоенные угрозы, которые не были характерны во времена „холодной войны”. Исчезло традиционное понимание вероятного противника, однако усилилась внутренняя нестабильность. Таким образом возникло новое, более широкое понимание угроз европейской безопасности, которые имели транснациональный характер.

В этих условиях встал вопрос о необходимости коллективных усилий по преодолению вакуума безопасности в Европе. В это время приобрела свою популярность идея построения „Большой Европы” на базе общих демократических ценностей и расширения общеевропейской безопасности от Атлантики до Урала на основе ключевых принципов Парижской хартии для новой Европы СБСЕ.

С другой стороны, неопределенной осталась будущая роль НАТО и СБСЕ в этой новой среде безопасности. Также непонятным оказалось и место России, которое все более маргинализировалось в этой неопределенной архитектуре европейской безопасности. В условиях такого вакуума безопасности Украина и Польша почувствовали общность их стратегических интересов.

Эти общие стратегические интересы заключались, прежде всего, в укреплении государственного суверенитета, безопасности, независимости и нерушимости границ обеих стран. Для Польши эта проблема была актуальной с точки зрения преодоления последствий бывшей советской оккупации и „ограниченного суверенитета” в рамках коммунистического лагеря и Варшавского договора, а также проблемы закрепления нерушимости границ в отношениях с Германией и Украиной. Для Украины наиболее важной была проблема международной легитимации ее государственного суверенитета и определения государственных границ. Обе страны стремились к установлению демократических режимов.

И так, основой для углубления отношений Украины с Польшей стала общность исторической судьбы и геополитических интересов. Для Украины Польша является примером вхождения страны с социалистическим прошлым в европейское сообщество, рыночную экономику и демократическое общество. В интересах Польши было важным, чтобы ее тандем с Украиной в архитектуре европейской безопасности играл роль форпоста стабильности на восточных границах европейского сообщества. Таким

образом, геополитический вес Польши в решении проблем европейской и евроатлантической безопасности значительно возрос. С другой стороны, такой тандем давал возможность увеличивать влияние на процессы на постсоветском пространстве, прежде всего на трансформационные преобразования в России, стимулируя ее таким образом приближаться к европейскому сообществу.

Общность интересов двух государств, в конечном счете, привела к установлению отношений стратегического партнерства между Украиной и Польшей в 1995 году. В рамках этого партнерства были созданы консультативные механизмы на уровне президентов двух стран, глав правительств и министерств. Было значительно расширено военное сотрудничество, в рамках которого проводились совместные учения, образовательные программы, обмен опытом по вопросам военного строительства. Общность стратегических интересов Украины и Польши в условиях вакуума безопасности и неопределенности европейской архитектуры безопасности обусловила появление идеи о необходимости формирования более тесного союза между двумя странами вроде „НАТО-бис” или дуги Балто-Черноморского сотрудничества. Такие идеи были направлены на то, чтобы создать субрегиональный комплекс безопасности, который бы стабилизировал регион Восточной Европы от Балтики до Черного моря, и в то же время был бы эффективным предохранителем от реваншистских проявлений российской политики в этом регионе.

Приняв решение о ядерном разоружении, Украина поддержала инициативу Беларуси по созданию безъядерной зоны в Центральной и Восточной Европе, провозглашенную белорусским министром иностранных дел С.Сенько на конференции по продлению действия ДНЯО 18 апреля 1995 года. Польше и другим странам Центральной Европы было предложено присоединиться к этой инициативе. Однако в это время начала формироваться новая архитектура европейской безопасности на базе НАТО и ЕС и Польша вместе с Венгрией и Чехией первой присоединились к этой архитектуре.

2-й этап, который приходится на вторую половину 90-х и первое десятилетие 2000-х годов представлял собой *формирование архитектуры европейской безопасности на базе НАТО и ЕС*. В этот период уже стало очевидным, что построение неделимой общеевропейской системы коллективной безопасности и обороны на базе общих ценностей невозможна в силу того, что эти ценности не разделяет Россия и другие страны постсоветского пространства. Как невозможным оказалась и построение Большой Европы

одновременно на западной и восточной площадках большого европейского пространства.

Внедрение демократических ценностей в постсоветских и посткоммунистических странах натолкнулось на мощный пласт авторитарного сознания, глубокое социальное расслоение, доминирование посткоммунистических элит. Базовые европейские демократические ценности, на которых должна строиться Большая Европа не прижились в России, да и в большинстве других постсоветских стран. Таким образом, проект построения „Большой Европы” провалился. В этих условиях, построение объединенной Европы началось с распространения европейских ценностей из Западной в Центральную и Восточную Европу путем расширения НАТО и ЕС, а также привлечением посткоммунистических стран к участию в совместных программах в сфере безопасности, гуманитарного и экономического развития.

Расширение НАТО на Восток сформировало необходимую среду безопасности и политическую почву для расширения Евросоюза. Последний олицетворял собой политико-экономическую интеграцию Западной и Центрально-Восточной Европы. Так за последние двадцать лет на европейском континенте возникла новая объединенная Европа с общими ценностями, общим экономическим, политическим пространством и пространством безопасности. Другая, восточная часть этого континента осталась вне этой объединенной Европы. Так что на этой части европейского континента образовался вакуум безопасности, что проявилось во внутренней нестабильности стран, расположенных в этой части континента, появлению источников угроз, нестабильности и конфликтов.

Не желая оставаться в вакууме безопасности, Польша присоединилась к этой системе путем организационного включения в НАТО и ЕС. Такая возможность стала реальностью в процессе расширения этих организаций. Для Польши такое включение означало не только получение надежных гарантий своей национальной безопасности и обороны, но и возвращение в Европу, а также укрепление демократии в стране.

Украина была не готова к такому шагу, ей не хватало не только политической воли, но и консенсуса в обществе и элите, которая не ставила перед собой задачу возвращения в Европу. Однако угрожающие тенденции для государственного суверенитета Украины, которые исходили со стороны России во второй половине 90-х годов и неопределенность будущей модели развития страны, заставляло украинское руководство двигаться в Европу вслед за Польшей, рассматривая последнюю как своего промоутера на этом пути.

Эти обстоятельства создали достаточно устойчивую политическую платформу для тесного взаимодействия двух стран в новой архитектуре европейской безопасности. Такой общей платформой стала идеология европейской и евроатлантической интеграции. В контексте этой общей идеологии и общих стратегических интересов, Польша первой поставила вопрос о необходимости предоставления Украине перспективы членства в НАТО и ЕС.

Первоочередным приоритетом среди этих общих задач стало содействие Польши в реализации украинского курса на евроатлантическую интеграцию. Таким общим стремлением способствовала также новая модель функционирования НАТО, предусматривающая закрепление за этой организацией не только функций коллективной обороны, но и коллективной безопасности. Римская (1991) и Вашингтонская (1999) стратегические концепции НАТО уже предусматривали такую перспективу построения архитектуры евроатлантической и европейской безопасности.

НАТО олицетворяло собой систему коллективной обороны в Европе, которая гарантировала защиту стран-членов от внешней агрессии. Одновременно с этой сугубо оборонительной функцией Альянс начал выстраивать и систему европейской коллективной безопасности, направленной на обеспечение мира и стабильности на европейском континенте. Такая система создавалась путем внедрения нормативной базы, которая бы регулировала отношения стран и организаций в сфере безопасности. В частности это касалось разграничения функций безопасности и определения порядка взаимодействия между НАТО и ЕС, НАТО и ОБСЕ, НАТО и Россией. В частности, в этом контексте был подписан основополагающий акт между НАТО и Россией, в котором предусматривались такие механизмы. С другой стороны, всеобъемлющим нормативным документом по укреплению безопасности был Договор об обычных вооруженных силах в Европе, Венские документы по укреплению военной доверия ВД-99 и другие.

Для Украины таким нормативным документом стала Хартия об особом партнерстве между Украиной и Североатлантическим альянсом, подписанная в Мадриде в 1997 году. Одним из важных принципов особого партнерства было положения о том, что Украина не может рассматриваться в качестве сферы влияния другого государства. Целью особых отношений является развитие демократических институтов, реализация радикальных экономических реформ и интеграция Украины во все европейские и евроатлантические структуры. Таким образом, особые отношения между Украиной и НАТО в первую очередь были направлены на внутренние преобразования в стране.

Хартия также определила принципы особого партнерства Украины и НАТО, направленные на укрепление стабильности, сохранение мира и укрепление безопасности в Европе. К приоритетным направлениям партнерства были отнесены: расширение и углубление военного сотрудничества в рамках индивидуальной программы PFP, направленного на стандартизацию средств связи, управления, штабных процедур. Их целью было достижение оперативной совместимости, развитие коммуникационных линий и обмен военной информацией, согласования политики и стратегии в области обороны, расширение образовательных программ и миротворческих учений, как на своей территории, так и на территории стран-партнеров, внедрение гражданского контроля над Вооруженными Силами.

Благодаря Хартии, сотрудничество Украины с Польшей получило новое ускорение. Особенно удачной оказалась деятельность совместных миротворческих подразделений, среди которых стоит отметить миротворческую миссию украинско-польского батальона Укрполбат в Косово в составе многонациональной тактической группы „Восток” под руководством США, пребывания 5-й механизированной бригады Вооруженных Сил в составе польского контингента международных стабилизационных сил в Ираке, участие украинского медицинского персонала в составе польского военного контингента в Афганистане, создания литовско-польско-украинской бригады „ЛитПолУкрбриг”, привлечение сил и средств Вооруженных Сил Украины к дежурству в составе Боевой тактической группы Европейского союза, которая формируется странами Вышеградской группы. Все эти мероприятия свидетельствуют о достаточно весомом совместном вкладе Украины и Польши в укрепление кооперативной безопасности.

Таким образом, в основу отношений „особого партнерства” были заложены две стратегические цели. С одной стороны, это укрепление стабильности, сохранения мира и усиления безопасности в Европе и за ее пределами, а с другой, развитие демократических институтов, реализация радикальных экономических реформ и интеграция Украины во все европейские и евроатлантические структуры.

Хартия стала тем важным нормативным документом, который дал возможность приобщиться к мероприятиям по коллективной безопасности в Европе, быть их не только активным потребителем, но и весомым контрибутором. С другой стороны, она открыла перспективу присоединения к системе коллективной обороны НАТО, что в условиях становления украинской государственности казалось наиболее важным. В рамках этих нормативных механизмов коллективной безопасности, Украина усугубляла свои партнерские отношения с Польшей, которая выступала и наиболее

активным промоутером перспективы членства Украины в НАТО и ЕС и в тоже время передавала соответствующий опыт, оказывала техническую и консультативную помощь в достижении стандартов членства в НАТО. Одновременно Украина и Польша принимали участие в многочисленных мероприятиях по формированию системы коллективной безопасности в Европе.

Такая совместная деятельность оказалась довольно успешной. После оранжевой революции Украина присоединилась к Интенсифицированному диалогу о членстве НАТО. Только благодаря польскому Президенту Л. Качинскому Украина и Грузия на Будапештском саммите получили политические гарантии предоставления им членства в НАТО в будущем.

Однако Украина так и не смогла реализовать эту перспективу, а вместе с ней и присоединиться к евроатлантической системе коллективной безопасности и обороны на базе НАТО и ЕС. Исторический шанс в очередной раз был утерян. Причиной этому было отсутствие консенсуса внутри в среде политической элиты и украинского общества относительно членства в НАТО, а также отсутствие консенсуса среди членов Альянса относительно целесообразности предоставления такого членства Украине.

3-й этап формирования архитектуры европейской безопасности начался в конце 2000-х годов. Его началом стала российско-грузинская война 2008 года. Качественной чертой этого этапа стал тренд архитектуры европейской безопасности к *биполярной региональной системе* на основе различных цивилизационных ценностей.

Остановка в расширении НАТО и ЕС на западных границах бывшего СРСПС и разделение региона Восточной Европы на среду безопасности и опасности, определенности и неопределенности, стабильности и нестабильности, дали России шанс установить собственное доминирование в этой части Европы и объявить ее зоной „привилегированных интересов”. Так вместо Большой Европы на европейском континенте начала формироваться европейская биполярная система безопасности регионального уровня, которую стали олицетворять с одной стороны НАТО и ЕС, а с другой, ОДКБ и СНГ под руководством России. Эта тенденция значительно усилилась с ослаблением американского лидерства и трансформацией системы международных отношений от однополярного к многополярному миру.

Существование такой биполярной системы соответствует стратегическим интересам России, поскольку такая система позволяет ей реставрировать себя на этом пространстве Европы в качестве великой державы и одного из мировых центров силы. Очевидно, что Россия будет стремиться

к воссозданию такой региональной европейской биполярной системы безопасности. Что важно для России при формировании такой системы?

Во-первых, закрепить за собой статус-кво, как одного из двух основных центров силы на европейском континенте. *Во-вторых*, закрепить за собой исключительное право на владение той частью Европы, которая не покрыта НАТО и ЕС. В свою очередь Россия также готова признать за НАТО и ЕС аналогичные права в отношении их членов, и не вмешиваться в процессы, происходящие внутри этих организаций в зоне их геостратегической ответственности. *В-третьих*, достичь определенного баланса силы в отношениях с противоположной частью этой системы. Такой стратегический паритет необходим ей, чтобы перевести отношения с Западом из асимметричной в симметричную плоскость.

Собственно на достижение этих целей и направлены инициативы бывшего президента Российской Федерации Д. Медведева, которые пытается реализовать нынешний российский президент В. Путин. Фактически речь идет об установлении общих правил игры между Россией, ОДКБ, ЕЭП и СНГ с одной стороны, и США, НАТО и ЕС с другой стороны. Причем эти правила игры должны быть зафиксированы в юридически обязывающей форме. Исходя из выше приведенных тезисов, это означает, что страны не могут присоединяться, например, в Североатлантическому альянсу без согласия России, поскольку она такое присоединение может расценивать как ущерб собственной национальной безопасности. Это означает, что НАТО не может расширяться, поскольку такое расширение может ослабить единство общего пространства безопасности. Кроме того, ключевые вопросы европейской безопасности, касающиеся многих европейских стран, теперь предлагается выносить на уровень триумvirата Россия-НАТО-США. За этим предложением кроется стремление России повысить свой международный статус и оказывать решающее влияние на все процессы безопасности в Европе, а также играть ключевую роль в решении проблем европейской безопасности.

Другое намерение, которое просматривается в российских инициативах, заключается в попытке поставить в новой системе европейской безопасности ОДКБ на один уровень с НАТО и достичь отношений равноправного партнерства между ними. Таким образом, реализация этого намерения дает России возможность, с одной стороны, уравновесить отношения с Западом и достичь паритета на институциональной основе, а с другой стороны, глубже интегрировать и мобилизовать вокруг себя постсоветские страны. В таком случае Россия получит право формировать свою часть биполярной системы, на симметричных условиях сплачивая постсоветские

страны в русском лагере, на основании уже не европейских демократических, а евразийских авторитарных ценностей. Те страны, которые попадают в этот лагерь, лишаются любой возможности интегрироваться в европейское сообщество.

Безусловно, ни Запад, ни Россия не желают восстановления военной конфронтации. Однако Запад хочет построения отношений с Россией на базе общих ценностей, а Россия хочет построения паритетных отношений с Западом на базе собственных интересов. Очевидно, что достижение консенсуса между двумя сторонами этой биполярности будет зависеть от того, готова ли Европа, прежде всего ЕС, обменять ценности на интересы отдельных ведущих стран Евросоюза, и от того, что является для России конечной целью ее политики на европейском континенте: общеевропейская безопасность или сфера влияния. Очевидно, что сегодня ЕС не готов променять демократические ценности на эгоистические интересы некоторых стран Евросоюза, а Россия не готова уступить соображениями „сферы влияния”. В такой ситуации можно только с большой долей скепсиса предполагать воспроизведения процесса „Хельсинки +”, который является тоже частью инициатив Президента РФ Д. Медведева.

Очевидно, что при таких разных приоритетах и принципах относительно формирования новой системы европейской безопасности компромисса между двумя сторонами вряд ли удастся достичь. Но очевидно и то, что единственным типом отношений между двумя сторонами могут быть отношения построены на принципе мирного сосуществования двух систем с различным политическим строем и разными идеологическими ценностями.

Другой важный блок вопросов связанных с формирования такой региональной биполярности в Европе касается того, какая роль будет отводиться НАТО, ЕС, ОБСЕ и какая судьба ожидает Украину и Польшу в такой системе европейской безопасности?

НАТО. Очевидно, что при доминировании жестких угроз и региональной биполярности, НАТО будет оставаться, как и во времена холодной войны, основным столпом европейской коллективной безопасности и обороны. По сравнению с однополярным миром, когда НАТО вынуждено было реагировать на глобальные угрозы, и таким образом, брать на себя функции глобальной структуры безопасности, в условиях многополярного мира, оно будет вынуждено вернуться в сферу традиционной региональной ответственности с возможностями реагирования на отдельные вызовы глобального характера. Но при возвращении к традиционным функциям и задачам, НАТО в системе региональной биполярности столкнется

с новой проблемой. Условно ее можно назвать – *дилеммой между глобальной стратегией кооперативной безопасности и стратегией регионального сдерживания России*. Без реализации таких функций биполярная система европейской безопасности окажется неустойчивой, нестабильной и неэффективной. Очевидно, что для реализации таких функций НАТО будет вынуждено прибегнуть к ограничению своих миссий, в частности в Афганистане, и концентрации ресурсов на ключевых и наиболее угрожающих направлениях.

ЕС в такой системе будет оставаться вторым столпом, и играть роль второй скрипки в обеспечении безопасности европейского сообщества. Евро-союз в сфере безопасности сконцентрирует свои усилия на нейтрализации мягких угроз европейской безопасности в тесном взаимодействии с НАТО и сотрудничестве с Россией. Такое распределение функций позволит ЕС сэкономить на военных расходах и сконцентрировать свои ресурсы на проведение экономических и политических модернизаций в середине европейского сообщества.

ОБСЕ. Роль этой организации будет сведена к функциям медиатора в отношениях между двумя сторонами биполярной системы безопасности и формированию общего режима контроля над вооружениями.

Польша станет восточным форпостом западной части биполярной системы европейской безопасности и будет испытывать на себе наибольшее давление в результате обострения напряженности между двумя частями этой системы.

Украина. В условиях региональной биполярной системы безопасности, Украина останется в серой или „буферной зоне”, которая будет характеризоваться внутренней и внешней нестабильностью и неблагоприятным, а порой и опасным внешнеполитическим окружением. Не имея возможности интегрироваться в европейскую систему и не желая приобщиться к российскому блоку, Украина будет формально оставаться внеблоковым государством с большим дефицитом собственной национальной безопасности. Возможность предоставления нейтралитета таким странам, оказавшихся в серой зоне, представляется маловероятной. При отсутствии достаточной собственной оборонной ресурсной базы, наличия российского военного присутствия, мощном внешнем влиянии и внутренней расколотости украинского общества и политической элиты, такие гарантии нейтралитета могут быть только фиктивными и рассматриваться, как препятствие на пути к НАТО.

Внеблоковый статус Украины возможно и делает невозможным ее вступление в ОДКБ или НАТО, однако дает России возможность компенсировать

этот недостаток сохранением российского военного присутствия на территории Украины. Это также станет важной военно-политической предпосылкой для возвращения Украины в российскую орбиту. На этом распределение Европы на две зоны влияния завершится окончательно. В любом случае такой фиктивный внеблоковый статус не уберезит Украину от внешнего вмешательства России в ее внутренние дела с целью переформатирования политического устройства страны на русский лад. Следовательно, при такой региональной биполярной системе в Украине остается довольно мало шансов сохранить свою независимость и государственный суверенитет.

В такой ситуации возможности взаимодействия Украины и Польши с целью достижения синергетического эффекта в сфере безопасности будут крайне ограниченными. Уровень отношений между двумя странами понизится с уровня стратегического партнерства до уровня сотрудничества в рамках мероприятий по кооперативной безопасности. Польша и в дальнейшем будет терять инструменты влияния на Украину. Организационное включение Украины в евроатлантическую систему коллективной обороны и безопасности не будет невозможным в силу ее внеблокового статуса, маргинализации внешней и внутренней политики, сползания в авторитаризм и углубление зависимости от России. Польша в таком случае потеряет роль промоутера Украины в европейских делах, поскольку отпадет такая необходимость с украинской стороны.

Нормативное привлечение Украины к системе европейской коллективной безопасности окажется тоже ограниченным, поскольку такая коллективная безопасность должна обеспечивать мир и стабильность демократических государств европейского сообщества, в круг которых она не будет входить. Остается возможным только привлечение Украины к европейской коллективной безопасности через отдельные секторальные соглашения. Механизмы такого привлечения указанные в Хартии об особом партнерстве между Украиной и НАТО, однако, с изменением Киевом формулы партнерства с „особого” на „конструктивное” они теряют свою актуальность.

Вариант нормативного привлечения был бы возможен при условии изменения существующей архитектуры коллективной безопасности в Европе на базе НАТО и ЕС на систему, созданную на базе специальных договорных инструментов для коллективных действий. Собственно в этом сценарии речь идет о замене системы евроатлантической коллективной безопасности региональным комплексом безопасности в Европе, который состоял бы из секторальных соглашений не между союзами, а между всеми европейскими странами по отдельным проблемам европейской

безопасности. В качестве главного рамочного документа – „политической надстройки” такой системы соглашений мог бы быть «зонтичный» Договор о создании единого пространства коллективной безопасности от Ванкувера до Владивостока.

Центральное место в этом Договоре предполагается отвести положению о неделимости и двусторонние гарантии безопасности, под которыми российская сторона понимает, прежде всего, обязательства получать согласие от стран-участниц Договора на принятие решений в рамках существующих и будущих военных союзов, организаций или коалиций, которые могут затрагивать интересы других участников Договора. Речь идет, прежде всего, о праве России давать согласие или не согласие на расширение НАТО, на приобретение теми или иными странами членства в НАТО. При этом суверенное право этих стран выбирать свой способ обеспечения своей национальной безопасности и обороны отвергается. Эти гарантии для России, по мнению российских экспертов, должны быть зафиксированы в отдельном базовом соглашении. Оно должно предшествовать секторальным соглашениям, и содержать четкие обязательства НАТО прекратить свое расширение на Восток, которое Россия расценивает как угрозу своим жизненно важным интересам.

Далее в этом сценарии предлагается наделить ОБСЕ полномочиями ООН. С такими полномочиями ОБСЕ может принимать юридически обязывающие решения по решению всех без исключения проблем безопасности евроатлантического пространства, и на которые Россия, как и другие члены, будет иметь право вето. Но такая новая система европейской безопасности может появиться только при условии распада НАТО и ЕС, или потере тесных кооперационных связей между этими организациями.

Поэтому для Украины остается только один, трансактивный путь включения в архитектуру европейской безопасности, который заключается в привлечении ее к мерам кооперативной безопасности в рамках членства в ОБСЕ, участия в различных программах и инициативах вроде Программы партнерство ради мира, или Восточного партнерства и других. В рамках этих инициатив и будет развиваться сотрудничество Украины с Польшей. Интерес к такому сотрудничеству со стороны официального Киева в среднесрочной перспективе будет определяться потребностью в поддержании международной субъектности страны, с одной стороны, и необходимостью международной легитимизации существующего политического режима Януковича – с другой.

S u m m a r y

Ukraine and Poland in the European security architecture

The last parliamentary elections in Ukraine have proved that the country has abandoned the Euro-Atlantic direction of integration. Extremely low public support for NATO membership in the Ukrainian society (about 13%), as well as the fact that no major Ukrainian party considered NATO accession to be a top political objective in its electoral programme, seems to prove the aforementioned tendency. For the Polish Eastern policy, Ukraine's return to the concept of „non-alignedness” means inevitability of reorientation of some of its guidelines and broadening the scope of the country's participation in the discussion on a new pan-European security architecture. Given this context, determining the institutional foundations of this kind of structure or system, while taking into consideration the previous experience of searching for an optimal stability model in the post-bipolar Europe, provides a basis for further discussions.